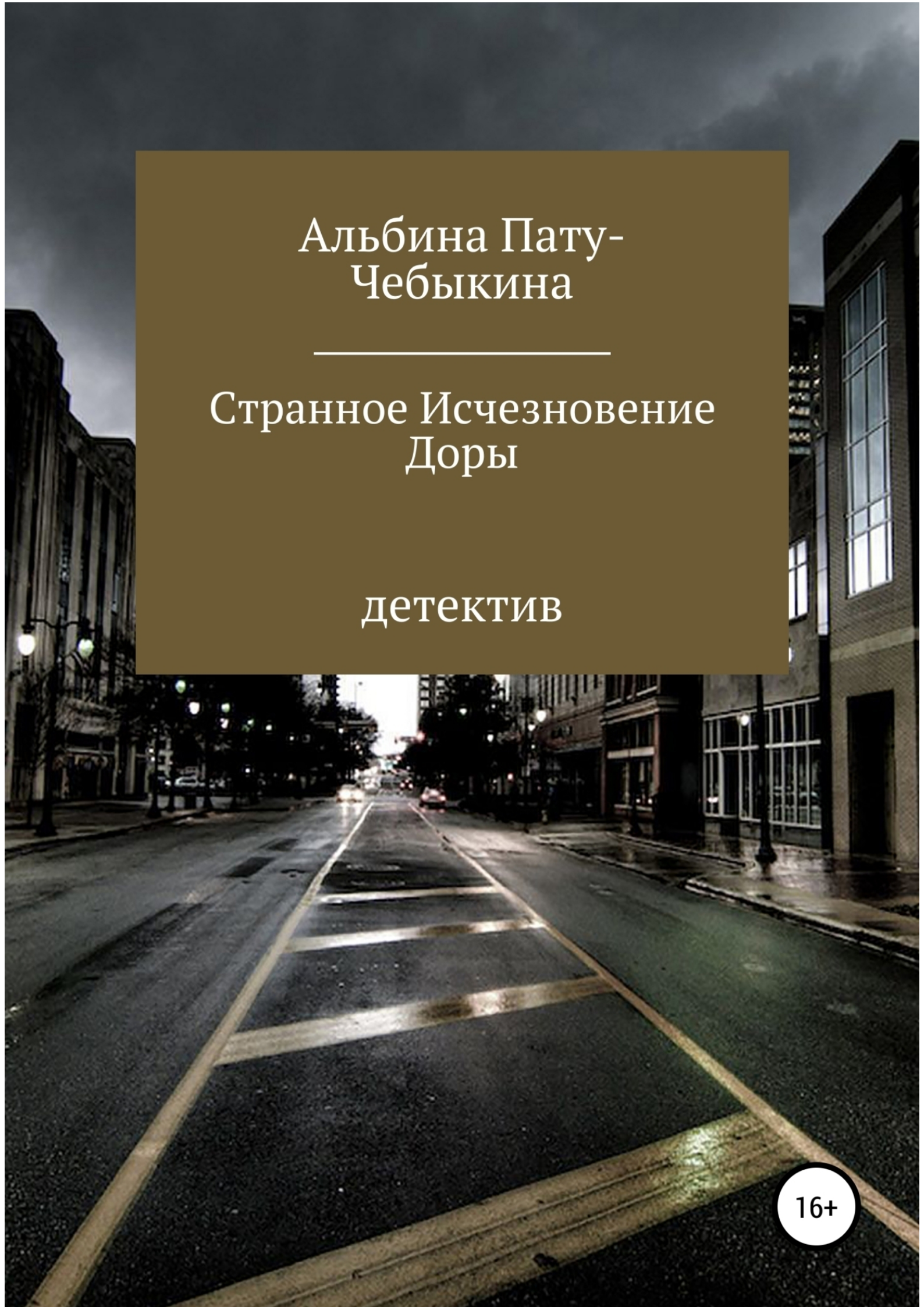

Альбина Пату-
Чебыкина

Странное Исчезновение
Доры

детектив

16+

Альбина Пату-Чебыкина
Странное исчезновение Доры

«Автор»

2022

Пату-Чебыкина А.

Странное исчезновение Доры / А. Пату-Чебыкина — «Автор»,
2022

В небольшом американском городке рано утром пропадает мать семейства - сороколетняя красавица Дора. Через несколько дней безжизненное тело Доры находят в парке. Она была зверски убита. Кто смог хладнокровно нанести голубоглазой Доре семь ножевых ударов и бросить ее тело в яму? Семья Доры переживала не лучшие времена. Но могли ли муж или дочь стать убийцей? Детективу Линчу предстоит поломать голову над этой загадкой.

© Пату-Чебыкина А., 2022

© Автор, 2022

Альбина Пату-Чебыкина

Странное исчезновение Доры

Майкл Кроул уже несколько недель спал урывками. Он просыпался среди ночи – всегда около двух – и долго вслушивался в окружавшие его городские и домашние звуки: шум запоздавшего автомобиля, рычание проснувшийся у соседа собаки, гудок очень далекого поезда, журчание воды в посудомоечной машине, поскрипывание кровати в соседней спальне, шёпот листвы.

Городом Санта-Марию, штат Калифорния, конечно, назвать было нельзя. Может городком, городишкой. Сам Майкл относился к нему спокойно, без фанатизма и без презрения. Ну живет и живет. Они могли бы также жить во Фресно, Санта-Кларе, Саннивэйл, Сакраменто или в Сан-Рамоне, но вот – так случилось поселиться им в тихой Санта-Марие – поближе к работе Майкла и к любимому им с детства озеру Тахо, где можно было кататься на лыжах зимой и дышать сосновым воздухом летом. Жена же Майкла – Дора – городок так и не смогла полюбить. Она называла его не иначе как «деревня», скучала по культурной жизни, интересным разнообразным людям, которых было полным-полно в Бостоне, где они начали свою совместную жизнь двадцать лет назад. Хотя, справедливости ради, Дора была не такой уж несчастной женщиной: у нее были подруги, много подруг, двое детей, муж неплохо зарабатывал, был свой собственный большой дом, сад, прекрасный калифорнийский климат, яркое солнце каждый день улыбалось через окно. Было еще много чего, что можно было бы без конца перечислять. Иногда Майкл от бессонницы занимался этим.

Дора спала сейчас в соседней комнате. Это ее кровать грустно поскрипывала в ночи. Майкл спал в кабинете с лета. Может ещё поэтому сон не шел. Диванчик в кабинете был удобен днем, когда Майкл после обеда заваливался на него со своим телефоном и чашкой горячего кофе. «Дора, дорогуша, будь любезна. Еще кофейку налей?» И Дора, его Дора, подходила, красиво виляя бедрами, брала его чашку из рук и медленно шла на кухню за новой порцией бодрящего черного кофе, который так любил Майкл.

Но летом все радикально изменилось.

Утром Дора стремительно выбегала из своей комнаты непричесанная, с разметающимися по плечам волосами, с проглядывающей в них первыми седыми волосами.

«Что стало с ее белокурыми кудрями?» думал Майкл, но никогда, конечно, не произносил вслух. Он боялся дориной реакции, которая могла обрушиться на него за любую мелочь, такую как оставленные им на диване носки, или журнал. Да и вообще последнее время – за одно лишь присутствие его за столом летним утром. День начинался не с той ноги, когда Дора просыпалась в плохом настроении. А было это теперь почти ежедневно. Дора кричала на слишком подгоревший бекон и на детей, которым этот бекон предназначался. «Ну, когда же это уже...» – бормотал Майкл и уходил в ванную. Ему надо было идти на работу. Он целовал детей перед школой, и они уходили с Дорой. «Зачем ты снова надел эти кроссовки? Я же тебе говорила...» – слышал Майкл, когда дети уже спускались по лестнице. «Столько крика, ну сколько уже можно...» – думал Майкл. Он старался уйти пораньше, не дожидаясь прихода Доры и ее ежедневного ритуала накладывания макияжа. Один раз он замешкался, отвечая на звонок, и случайно заглянул в комнату, думая, что она еще не вернулась.

Она сидела перед трюмо, громко дыша. Это было какое-то надрывное, страшное дыхание, дыхание злобы, кипевшей в ней. Дыхание больного человека на аппарате ИВЛ. Майкл

отскочил от двери как ошпаренный и быстрыми шагами двинулся в коридор, на выход. Он никогда не хотел видеть больше эти сжатые губы, будто потерявшие свежесть просроченные красные колбаски, и эти холодные голубые глаза, злобно-бездонные, под веками кричащих неуместных ярких цветов.

Так думал Майкл о Доре и удивлялся, как сильно они изменились. Он стал бояться Доры, но вместе с тем, его все еще тянуло к ней. Он все еще любил ее.

Да, диван был отличным местом днем. Но ночью, ночью он любил свою кровать, теплое Дорино тело и ее посапывавшее дыхание рядом. Она тоже, наверное, не спит, кровать скрипит. Думает. О чем? В последнее время он не узнавал ее, не узнавал свою жизнь. Дети подрастали. Деньги есть. Казалось бы, живи-радуйся. Майкл работал инженером-программистом в небольшом стартапе, в который пришел вовремя – стартап продали, и он получил хорошую сумму на жизнь. Он продолжал работать. Но мог бы, в принципе и на пенсию уже выходить. При мысли о пенсии Майкл усмехнулся. Компанию продали два года назад. Уже тогда что-то началось с Дорой. Она стала странной. То накрадется, как проститутка и уйдет куда-то с подругами. То неделями сидит дома, в какой-то бесформенной одежде, смотрит чушь на ютубе, постит хрень на своем фарсбуке и инстахлеме. Брюки себе купила уродские в клеточку и выкрасила несколько прядей в рыжий цвет. Клоун-клоуном. Майкл так любил, когда Дора одевалась сексуально: брючки в обтяжку, короткая юбочка, чтобы, можно было проходя мимо, поласкать по попке. А тут эти клоунские штаны. И в какой-то момент – бах – по sex: днем она занята, ночью устала, утром надо спешить собирать детей в школу. Не дождешься. Только в определенные часы, определенным образом, по расписанию, никакой спонтанности. А однажды, вообще башку сносит – он ее будит в ночи, хочет ласкать, а она вырвалась, дышит тяжело и говорит: «Отпусти, меня тошнит». Ну он тогда ушел на диван.

На мгновение Майкл погрузился в сон. В нем была Дора. Она звала. Дора бежала по направлению к лесу и махала ему рукой. Ее счастливая улыбка говорила ему что-то одними губами, его губами. Он смотрел на ее рот, но никак не мог разобрать, что она ему говорит. Рот шевелился. Рука продолжала махать. Но Дора исчезла. Ее нет. Майкл резко проснулся от громкого хлопка и шума как будто бы отъезжающей машины. Привиделось. Надо что-то делать со сном.

Кровать в соседней комнате больше не попискивала. Дора заснула, должно быть. Майкл хотел было туда рвануть. Открою дверь, лягу с ней, сорву одежду. Ей будет приятно. Любой женщине приятно чувствовать себя желанной. Но нет, дверь в ее комнату заперта. Они всегда так делали, чтобы дети не врывались рано утром, а теперь вот и ему не войти.

Майкл посмотрел на часы. Уже четыре утра, черт, а сна ни в одном глазу. Он встал. Вышел из кабинета в коридор. Из коридора, через заднюю дверь в сад. Вот тебе раз. Дверь открыта. Я забыл или Дора, когда выносила мусор? Слава богу, здесь частная собственность – высшая ценность, да и в нашем городишке люди приличные, не голодранцы. Никто к тебе не сунется. Можно хоть все двери открывать. Все-таки есть и у нашей деревни достоинства. То ли в Бостоне, где они с Дорой жили двадцать лет назад, еще студентами, снимая вместе вонючий недорогой угол. Помнится, Дора однажды оставила доллары на покупки в облезшей тумбочке их прихожей. Там же – на тумбочке – лежал и их фотоаппарат. Дора тогда занималась фотографией и купила себе дорогой Никон. Однажды утром, поднявшись, Дора и Майкл не обнаружили ни Никона на тумбочке, ни денег в тумбочке. Дверь оказалась незапертой. Дора забыла ее закрыть. Ох и рассердился тогда на нее Майкл. Пощечина прозвучала очень звонко. Ну а как иначе? А если бы они спали также чутко, как сейчас, двадцать лет спустя, и проснулись

бы среди ночи, когда воры их обчищали. Вероятно, воры бы тогда прирезали их как неоперившихся цыплят. Именно так кричал Майкл, в той маленькой тесной квартирке двадцать лет назад, А Дора стояла и плакала, вытирая красную щеку, все повторяя “Я не хотела, я не хотела, я не хотела”. Вспоминая это, Майкл медленно натягивал резиновые сапоги, чтобы выйти в сад. Было ещё темно, хоть глаз выколи.

Майкл щелкнул выключателем. Загорелся свет в саду. Он вышел на крыльцо, спустился, взял лопату и пошел на самый край сада выкапывать дерево. Точнее, дерево было уже спилено. Но огромный пенёк остался в земле, и Майкл уже два дня возился с этим пнем пытаясь выкопать его. Яму он вырыл уже огромную, но пенёк все еще держался всеми своими корневыми силами за землю и не хотел оставлять насиженного места. Комья земли глухо падали рядом. Мерные движения лопаты, казалось, успокаивали Майкла. Яма росла.

Мира открыла глаза. В комнате ещё было совсем темно. Хотя сегодня была суббота и можно было бы поваляться в кровати, Мира одним рывком выскочила из теплой постели и опустила босые ноги на холодный пол. Девочка привыкла вставать около 7-ми каждый день, как в школу. Мира включила светильник и начала одеваться. Родители, наверняка еще спали. Они всегда просыпались позже Миры. Мама то уж точно проснется в это субботнее утро не раньше 8:30. Она соня, как и Дэйв. Папа – может пораньше. Мире было тринадцать. Одевшись и наспех пройдясь расческой по длинным волосам, Мира открыла свою заветную коробку с коллекцией охотничьих ножей. Их было уже целых четыре. Последний – ее любимый – она получила на свой день рождения три месяца назад от папы. Это был старинный складной нож из стали с двумя лезвиями – одним основным, длиной в целых 4,3 дюйма и вторым вспомогательным поменьше. Папа приобрел нож на ибей. Девочка сама его выбрала. А папа только принял участие в аукционе и вовремя предложил цену, которую никто не перебил. Нож удалось отхватить за 90 долларов. Рукоятка ножа была берестяной, теплой и совсем не скользила во влажной мириной руке. Мира погладила долговечный материал рукоятки и потом крепко сжала ее в своей холодной ладони. Нож будто откликнулся ей своим теплом. Мира пристально посмотрела на лезвие: в стальном свечении отразились глаза девочки темными неясными впадинами.

Мама совсем не поддерживала хобби Миры, даже была против: «Ну что это за занятие для девочки? Ножи? Коллекционировать? С ума сойти! Неужели нет других занятий?»

Папа защищал: «Ой да ладно тебе, разошлась. Может она хирургом будет»

«Ага или поваром» -, парировала мама, -«ловить на дворе собак и тут же их готовить еще тепленькими» – голос мамы смеялся, а глаза – нет. Они горели каким-то испуганным огоньком, который вроде готов был вырваться, но потом затихал перед очередной вспышкой.

Мечта Миры была теперь одна – получить в свою коллекцию мачете, а уж конечно, не стать врачом, или тем более каким-то там поваром. Профессия для глупых девчонок. Но об этом Мира молчала. Не хотелось делиться ни с папой, ни уж тем более с мамой, ни с глупышкой Дэйвом.

Папа, наверно, может и понял бы. Он и сам любил оружие. Правда не холодное, а настоящее. Дома у него хранился большая полуавтоматическая винтовка AR-15. Папа иногда ее вынимал и показывал детям. Мама всегда была против. И смотрела на папу так, будто он был киллером. В какой-то момент они даже очень сильно поссорились из-за этого. Они так кричали, что Дэйв начал плакать, и Мире пришлось его увести, закрыть ему уши и сидеть с ним в комнате, продолжая слушать крики родителей. Потом она услышала странный хлопок и сразу

после этого плач мамы и грохот закрывающейся двери. К ссорам родителей Мира уже привыкла. Но последнее время это было совсем чересчур. Родители поселились в разных комнатах.

После очередной перестрелки в одной из школ страны мама укорительно посмотрела на папу, сказав что-то типа «И поэтому я тоже не приветствую любовь к оружию в этом доме». Папа что-то невнятно пробурчал про охоту. И они снова оба замолкли. Правда, после этого папа куда-то унес винтовку, и Мира больше ее никогда не видела. Возможно, он ее запер в чулане, куда Мира и Дэйву доступ был запрещен. Возможно, он ее продал. Мира не знала. Она знала только, что папа больше не возьмет ее- Миру- на охоту, а может быть больше никогда не поедет сам. Что-то безвозвратно поменялось в их доме. Мира не понимала, что именно, но так чувствовала.

Родители теперь все больше молчали. Маму как будто подменили, и она стала сильно раздражать Миру. В маме раздражало многое, если не все: ее утренние поцелуи и невнятные лепетания, восторженные всхлипывания по поводу редких успехов Миры в школе, замечания за столом, поглаживание по голове, когда мама проходила мимо нее, натянутая улыбка, когда кто-то что-то говорил за ужином. Все было совсем не к месту, ненатурально, натужно, глупо. Вообще, эти семейные ужины уже давно пора было отменить к чертям. За столом в основном слышалось чавканье Дэйва, мамины редкие вопросы, на которые никто не отвечал, папины покрикивания. Папа хоть и кричал иногда и на Дэйва, и на Миру, и на маму, Миру он особо не раздражал. Он просто существовал рядом, кричащий ли, молчащий, но не мешал ей. Мама же была какой-то странной, как тот огонёк, что горел в ее глазах: то полный энтузиазма и готовый вырваться наружу, чтобы целовать до посинения, громко говорить, бежать без оглядки; то полный безразличия, тихий как шуршание травы, какой-то во всем невнятный, размытый, как картинка за стеклом во время дождя.

Короче, жизнь, была не ахти. В какой-то момент на очередном бестолковом ужине Мира прямо спросила родителей, в лоб: «А когда вы разведетесь?»

Мама закашлялась, глупо улыбнулась, сказав невпопад «Об этом лучше спросить папу». Папа посмотрел на свой кусок пиццы и сказал: «Это пока не в планах». Дэйв продолжал тихо чавкать, ничего не понимая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.